

Hellwald, Friedrich Anton
Фелльвальдъ. *Heller von*

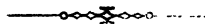
ИСТОРІЯ КУЛЬТУРЫ.

При участіи профессоръ: Гааза, Бюхнера, Лефманна, Хорна,
Гольма, Генне-амъ-Рина, Людвигъ Гейгера, Филиппсона и др.

Античная культура

Переводъ подъ редакціей д-ра философіи М. Филиппова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія А. А. Пороховщикова, Бассейная, 3—5.

1898.

Доводено депаурою Сиб. 5 Января 1898 г.

By Transfer
DEC 13 1928

DUPLICATE EXCHANGE LIBRARY OF CONGRESS

СВ 83
H 425
v. 2

Греки.

(Составил профессор Адольф Гольмг ¹⁾).

Культура, известная намъ и цѣнимая нами подъ именемъ античной, имѣетъ основаніемъ греческую культуру. Эта послѣдняя еще и до сихъ поръ является однимъ изъ факторовъ, опредѣляющихъ наше развитіе. Какъ известно, римляне усвоили ее съ ничтожными измѣненіями и такимъ образомъ создавалась греко-римская культура, господствовавшая надъ всѣмъ цивилизованнымъ міромъ. Въ средніе вѣка, правда, многое было утрачено изъ этой культуры, однако, дважды пришлось испытать ея вліяніе, однажды въ эпоху Карла Великаго, а въ другой разъ, когда арабы спасли, находившуюся въ пренебреженіи у христіанъ, греческую философію и естествознаніе, передавъ ихъ европейцамъ. Но затѣмъ наступило настоящее возрожденіе античнаго просвѣщенія въ XV столѣтіи, которое на первый разъ опиралось еще преимущественно на Римъ; но въ концѣ прошлаго столѣтія, на мѣсто римлянъ явились греки, ставъ снова образцами, и такимъ образомъ теперь греческая культура образуетъ, на-ряду съ религіей, основы міровоззрѣнія всѣхъ тѣхъ, кто въ состояніи подняться выше будничной матеріальной работы и мысленно возвыситься до чисто духовнаго творчества. Но если включить въ составъ культуры религію, мораль, право, — публичное, какъ и частное, — языкъ, искусство, литературу, науку и техническую сноровку, то слѣдуетъ помнить, что искусство и литература еще и теперь испытываютъ въ высшей степени существенное вліяніе древнихъ грековъ. Съ другой стороны, наше знаніе и техническая сноровка также въ значительной степени получили отъ нихъ основу,

¹⁾ При транскрипціи древне-греческихъ собственныхъ именъ редакція предпочла рейхлиновское произношеніе, близкое къ новогреческому. Лишь такіа имена, какъ Гомеръ (вмѣсто Омиръ) написаны по установившейся транскрипціи. Въ случаѣ надобности обычная транскрипція добавлена.

на которой сооружаютъ свое зданіе. Развитіе же новѣйшихъ языковъ въ синтаксическомъ отношеніи въ высшей степени зависитъ отъ грековъ, тогда какъ относительно формъ, по крайней мѣрѣ романскіе языки значительно зависятъ отъ грековъ, черезъ посредство римлянъ. Наше право и наша мораль выработались не безъ содѣйствія положеній, установленныхъ мудрецами Греціи; христіанская религія, по крайней мѣрѣ, была передана міру впервые на греческомъ языкѣ, т. е. была сообщена посредствомъ этого языка большинству людей, впервые пришедшихъ съ нею въ соприкосновеніе. Все это даетъ намъ право на подобное разсмотрѣніе греческой культуры, насколько позволяетъ объемъ этого труда, при чемъ, однако, мы не желаемъ впадать въ сухія перечисленія. Этимъ мы выполняемъ не простой долгъ благодарности. Познаніе одного изъ важнѣйшихъ источниковъ нашей духовной жизни необходимо принадлежитъ къ этой самой жизни, если она должна выполнить свою идеальную цѣль.

Но наше изображеніе греческой культуры должно быть историческимъ. Оно должно преслѣдовать ходъ развитія греческаго народа, — намъ должно показать, какъ греки постепенно стали тѣмъ, чѣмъ они были въ цвѣтущій періодъ своей жизни. Только такимъ образомъ можно усмотрѣть, какимъ образомъ ихъ культура, хотя сама старѣющая и дряхлѣющая, все еще могла плодотворно дѣйствовать на другія націи. Если бы рѣчь шла только объ эпохѣ наивысшаго разцвѣта націи, то эту эпоху можно было бы указать очень скоро; намъ стоило бы только описать вѣкъ Перикла, и для краткаго обзора общей исторіи культуры подобное описаніе, какъ часть великаго цѣлаго, быть можетъ, было бы достаточно. Но такимъ образомъ мы едва-ли оказались бы справедливыми къ грекамъ. Изъ того, что еще теперь дѣйствуетъ на насъ, въ области греческой культуры, многое относится къ эпохѣ до Перикла, а многое — къ послѣдующему времени. Гомеръ и Сафо древнѣе, а Платонъ и Менаандръ позднѣе Перикла. Такимъ образомъ нашей задачей является описаніе не одной, но многихъ значительныхъ эпохъ. Мы должны показать, каковъ характеръ этихъ эпохъ и какъ онѣ развивались одна послѣ другой и одна изъ другой. Послѣднее, на первыхъ порахъ, удастся намъ лишь въ несовершенной степени. Вначалѣ источники текутъ такъ скудно, что намъ приходится довольствоваться знаніемъ состояній, относящихся

въ крупнымъ періодомъ времени, при чемъ мы не въ состояніи сказать, какимъ образомъ они развились и изъ какихъ зародышей. Первобытная исторія здѣсь, какъ и вообще въ младенчествѣ у всѣхъ народовъ, покрыта мракомъ, который лишь несовершеннымъ образомъ освѣщается догадками. Но по мѣрѣ того, какъ мы приближаемся къ эпохѣ наивысшаго разцвѣта, мы вынуждены имѣть дѣло со связнымъ и легко обозримымъ теченіемъ развитія. Въ то время, какъ раньше было трудно связать между собою различныя картины, теперь, наоборотъ, становится труднымъ ставить плотины для прегражденія потока, текушаго то спокойно, то бурно, и становится почти невозможнымъ раздѣлить въ изложеніи то, что въ дѣйствительности соединено незамѣтными переходами. Мы не можемъ сдѣлать почти ничего иного, какъ только ярко освѣтить наиболѣе выдающіяся волны этой рѣки. Первоначально скудость извѣстій связываетъ намъ руки при выборѣ самого предмета изложенія. Позднѣе богатство его такъ велико, что именно оно подготавливаетъ намъ величайшія затрудненія относительно выбора.

Мы говоримъ о Греціи; но въ сущности это слово, вводящее въ заблужденіе. Нѣтъ никакой строго ограниченной страны этого имени, которая включала бы въ себя весь греческій міръ,—теперь или въ прежнее время. Къ Греціи, въ культурно-историческомъ смыслѣ слова, принадлежать не только Спарта и Аѣины, Фивы и Коринѣъ, Олимпія и Термопили, но также Эфесъ и Синопъ въ Азіи, Пантикапей въ Скиѣи, Навкратисъ и Кирена въ Африкѣ, Сиракузы и Селинунтъ въ Сициліи, Тарентъ и Неаполь въ Италіи, Массалія въ Галліи. Греція была, гдѣ жили греки, гдѣ слухали звуки греческой рѣчи, гдѣ греки сооружали стѣны и имѣли торговые дома, гдѣ на греческихъ алтаряхъ, передъ окруженными колоннами храмами, горѣли жертвенные огни для боговъ Олимпа, гдѣ греческіе художники творили изображенія боговъ и людей, гдѣ греческіе мѣнялы звенѣли на своихъ столахъ серебряными монетами, украшенными тонкимъ греческимъ чеканомъ. Греція была по берегамъ Средиземнаго моря почти всюду. Конечно, существовалъ центръ, которому мы въ особенности придаемъ названіе Греціи: южная часть Балканскаго полуострова; но также и эта Греція въ тѣсномъ смыслѣ слова была ограничена рѣзко только съ востока, юга и запада, т. е. тамъ, гдѣ ее омывало море. На сѣверѣ ея граница неопредѣленна. Фессалія относится къ греческому

міру, но насколько можно считать греческимъ Эпиръ, это сомнительно; а относительно принадлежности Македоніи къ Греціи, насколько рѣчь идетъ о цѣломъ народѣ, между исследователями все еще нѣтъ единодушія. На востокъ острова Эгейскаго моря принадлежатъ грекамъ; но на материкѣ Азіи опять нѣтъ опредѣленной границы; на западѣ, въ нынѣшней Италіи, мы находимъ даже Великую Грецію, но насколько она проникаетъ во внутрь, сказать трудно.

Итакъ, если съ географической точки зрѣнія для греческаго міра нѣтъ опредѣленной границы, то нельзя-ли сказать, что этотъ міръ имѣетъ опредѣленную этнографическую границу? Для этнографическаго ограниченія недостаточны имена, вродѣ дорянъ, іонянъ, эолянъ и т. д., а именно по двумъ основаніямъ: послѣднія изъ этихъ названій не обозначаютъ ничего опредѣленнаго, и племена, не принадлежащія ни къ одной изъ этихъ трехъ группъ, все же могли быть чисто греческими. Итакъ, для того, чтобы знать въ точности, кого мы вправѣ назвать греками, намъ пришлось бы имѣть свѣдѣнія о происхожденіи различныхъ народностей, живущихъ въ Греціи и на ея границахъ. А именно этого мы и не знаемъ. Для позднѣйшаго времени, конечно, достаточно признавать греками тѣхъ, которые сами себя называли *эллинами*. Но для древнѣйшихъ временъ этого признака недостаточно, потому что названіе эллиновъ тогда еще не имѣло позднѣйшаго значенія. У Гомера эллины представляютъ маленькое племя; и однако, герои Гомера, къ какому бы они ни принадлежали округу, хотя бы они и не назывались эллинами, настолько эллины, какъ только можно себя вообразить; даже троянцы по отношенію къ своей культурѣ не могутъ быть отдѣлены отъ грековъ: у нихъ тотъ же языкъ и та же религія. Такимъ образомъ, единственнымъ признакомъ греческаго міра для насъ, способныхъ судить лишь по отрывочнымъ свѣдѣніямъ, является языкъ. Съ греками было то, что теперь говорятъ о себѣ въ извѣстной пѣснѣ нѣмцы: Греція была всюду тамъ, гдѣ звучалъ греческій языкъ и гдѣ раздавались гимны греческимъ богамъ.

Этнографическое положеніе грековъ. Греческій языкъ.

Предыдущее замѣчаніе нисколько не припятствуетъ намъ опредѣлить этнографическое положеніе грековъ среди наро-

довъ земного шара. Наоборотъ, мы должны этимъ заняться, такъ какъ языкъ является тѣмъ средствомъ, для установленія сродства между народами, которое менѣе всего способно ввести въ заблужденіе. Правда, общеизвѣстно, что народы могутъ усвоить и такіе языки, которые имъ первоначально чужды; но, въ общемъ, родство между языками параллельно этнографическому родству. На этомъ основаніи ви при этомъ предположеніи, были произведены изслѣдованія различныхъ языковъ, показавшія, что греки, т. е. племена, говорившія на разныхъ греческихъ діалектахъ, принадлежали къ обширной расѣ, поселенія которой распространялись отъ Средней Азіи до Атлантическаго океана, и которая включала индусовъ, персовъ, армянъ, италійцевъ, галловъ, германцевъ, литовцевъ и славянъ, не говоря уже о племенахъ, языки которыхъ намъ въ точности неизвѣстны. Къ этимъ послѣднимъ принадлежать, однако, многія народности, жившія рядомъ съ греками въ Азіи и въ Европѣ. Многія изъ нихъ, очевидно, близко родственны грекамъ: таковы были фригійцы, а можетъ быть и еракійцы. Относительно другихъ, какъ, напр., ликійцевъ и карійцевъ, мы еще не имѣемъ почвы для сужденія о томъ, можно-ли допустить ихъ связь съ индо-европейцами, какъ можно обозначить всѣ вышеназванныя племена въ противоположность семитамъ, финнамъ и т. д. Въ настоящее время принято думать, что ликійцы и карійцы не принадлежатъ къ индо-европейской или арійской расѣ.

Греческій языкъ,—судя по предыдущему, а ляющійся признакомъ единства греческаго народа,—долженъ въ то же время считаться однимъ изъ важнѣйшихъ и многозначительныхъ продуктовъ греческаго духа,—единственнымъ, который, съ начала и до конца, хотя и въ разнообразнѣйшихъ формахъ, всегда стоялъ на одномъ уровнѣ высоты. На этотъ языкъ другія націи могли смотрѣть лишь съ изумленіемъ. Богатство формъ здѣсь необычайно велико, синтаксическая выработка необыкновенно тонка, такъ что малѣйшіе оттѣнки мысли могутъ быть выражены на этомъ языкѣ съ величайшей отчетливостью, а пригодность его къ стихосложенію и легкость образованія составныхъ словъ такъ велики, что немогіе другіе языки могутъ съ нимъ соперничать. Этотъ языкъ, первоначально, да и позднѣе, какъ и всякій другой, распадался на нарѣчія, на которыхъ говорили жители отдѣльныхъ мѣстностей. Нарѣчія эти подраздѣлялись на три

крупныя группы, а именно дорійскую, іонійскую и эолійскую, сообразно съ позднѣйшимъ, употребительнымъ у грековъ подраздѣленіемъ цѣлаго народа на дорянъ, іонянъ и эолянъ. Эти діалекты употреблялись, однако, не какими-либо сплошными народными массами, какъ это мы видимъ у нѣмцевъ. По-дорійски говорили въ большей части Пелопоннеса, въ Тарентѣ и въ большей части италійской Греціи, въ Сиракузахъ и въ Акрагасѣ; по-іонійски—въ Аѣинахъ и въ Милетѣ, по-эолійски—въ Віотіи, Фессаліи и на Лесвостѣ (Лесбосѣ). Эти діалекты порою принадлежали и такимъ народностямъ, которыя по происхожденію причислялись къ другой группѣ. Такъ, напр., дорійскіе галикарнасцы говорили по-іонійски, ахеяне въ Нижней Италіи говорили по-дорійски. Уже здѣсь обнаруживается одна изъ главныхъ особенностей грековъ: необычайное разнообразіе въ частностяхъ, при всемъ согласованіи въ общемъ, склонность къ партикуляризму, каковая встрѣчается въ той же степени развѣ только у германцевъ.

Первобытная эпоха. Остатки Трои. Микены. Коринѣ.

Греческій языкъ является очень древнимъ свидѣтельствомъ греческой культуры, но не самымъ древнѣйшимъ изъ дошедшихъ до нашего времени. Мы встрѣчаемъ его впервые у Гомера, но уже до Гомера греки прожили тысячелѣтій, идя путемъ непрерывнаго развитія; но отъ этихъ тысячелѣтій не осталось никакихъ памятниковъ языка, а только памятники пластическихъ искусствъ. Итакъ, приходится начать наше изложеніе съ краткаго очерка этихъ памятниковъ искусства. Само собою разумѣется, что здѣсь возникаетъ трудность. Если существуютъ только памятники искусства, на которыхъ нѣтъ никакихъ надписей, то какимъ образомъ можемъ мы утверждать, что именно эти произведенія слѣдуетъ приписать грекамъ, такъ какъ мы вѣдь условились опредѣлять происхожденіе только по языку? Рѣчь идетъ объ открытіяхъ, произведеннымъ въ Троѣ, въ Микенахъ, въ Тириноѣ и на островахъ Эгейскаго моря. Не могли-ли эти памятники, по крайней мѣрѣ отчасти, принадлежать народностямъ, имѣвшимъ съ греками не болѣе общаго, нежели мѣстность, въ которой они жили? При находкахъ, открытыхъ въ Микенахъ, многіе помышляли о карійцахъ,

которыхъ, однако, нельзя признать настоящими греками. Безъ сомнѣнія, доказательство въ пользу того, что всѣ эти произведенія были продуктами древне-греческой культуры, не могутъ быть даны такимъ образомъ, чтобы не оставить никакого сомнѣнія; но что Микены и Тиринѣ *были* греческими культурными поселеніями, въ этомъ порукою служить Гомеръ, ставящій Агамемнона во главѣ ахейцевъ. Такимъ образомъ то, что найдено въ обѣихъ этихъ мѣстностяхъ, раскрываетъ намъ картину культуры, представляющую высокое значеніе къ ней, въ видѣ поясненія, примыкаютъ еще находки, обнаруженныя въ другихъ мѣстностяхъ и относящіяся къ тому же первобытному времени.

Изученіе всѣхъ этихъ памятниковъ получило въ послѣднее десятилѣтіе поразительный толчокъ. Еще четверть вѣка тому назадъ были извѣстны только Левинны Ворота Микенъ, затѣмъ такъ называемая сокровищница Атрея, находящаяся въ томъ же мѣстѣ, далѣе стѣны Тиринѣа, да и то не въ полномъ видѣ, и нѣкоторые другіе, менѣе значительныя развалины. Въ настоящее время, благодаря энергичной и полной энтузіазма дѣятельности Генриха Шлимана, къ которому съ тѣхъ поръ примкнули и другіе археологи, найдено такое множество памятниковъ, что простое описаніе находокъ наполняетъ сотни страницъ. Какъ извѣстно, Шлиманъ началъ свои изслѣдованія на почвѣ Трои, затѣмъ онъ направилъ свою дѣятельность къ Микенамъ, Орхомену и наконецъ къ Тиринѣу, и постоянно съ колоссальнымъ успѣхомъ, послѣ чего онъ вновь наконецъ обратился къ Троѣ, находя въ послѣдніе годы поддержку со стороны техническихъ свѣдѣній и необычайнаго трудолюбія своего сотрудника, Дербфельда. Научные представители Германіи, Франціи и Англіи продолжали эти изслѣдованія, а въ настоящее время Артуръ Джонъ Ивансъ, на островѣ Критѣ, нашелъ еще первобытныя письма, правда, досихъ-поръ еще не прочитанныя. Раскопки въ Троѣ привлекли всеобщее вниманіе, прежде всего потому, что установили положеніе этого древняго царскаго города на Гиссарликѣ. Затѣмъ былъ установленъ фактъ послѣдовательнаго сооруженія семи городовъ на томъ мѣстѣ, гдѣ происходили раскопки. Наконецъ, важно было уже то, что у знатоковъ долгое время существовало сомнѣніе на тотъ счетъ, какой же въ сущности изъ этихъ семи городовъ и есть знаменитый древній городъ? Одни утверждали, что второй, другіе называли шестой. Наконецъ, поразительныя ювелирныя

работы самаго первобытнаго стиля, найденныя тамъ наряду съ глиняными сосудами своеобразнаго характера (урны, съ украшеніями въ видѣ лицъ) привели къ рѣшенію этого вопроса. Подобныя же урны были найдены и въ болѣе сѣверныхъ мѣстностяхъ. По Шлиману, здѣсь была найдена сокровищница Приама, и эта-то сокровищница была спасена женою знаменитаго изслѣдователя и скрыта въ ея пали отъ опасной любознательности рабочихъ. Въ Микенахъ не меньшее впечатлѣніе произвело открытіе трупъ Агамемнона съ золотою личною маскою. Въ настоящее время, однако, существуетъ убѣжденіе, что нельзя примѣнить имена обоихъ царей троянской войны къ находкамъ, открытымъ въ Троѣ и Микенахъ. Тѣмъ не менѣе, древнія преданія приобрѣли новую жизнь; и теперь, во всякомъ случаѣ, извѣстно, что древняя богатая и блистательная Троя дѣйствительно существовала; существовали также еще болѣе могучія, блестящія и богатыя Микены. Если мы теперь обратимся къ настоящей Греціи, то рѣчь идетъ о двухъ городахъ, Микенахъ и Тиринѣ. Оба находятся въ Арголидѣ, неподалеку другъ отъ друга. Оба обозначаются въ преданіи какъ столицы; въ особенности Микены, какъ мѣстопробываніе знаменитаго Агамемнона. Микены находятся надъ сѣверо-восточнымъ краемъ равнины близъ входа въ ущелье, ведущее на сѣверъ. Если, подобно большинству путешественниковъ, ѣхать со стороны Аргивской равнины, то мы увидимъ надъ грудю мусора зданіе древняго акрополя. Но передъ нимъ, книзу, находится нижній городъ, отъ котораго сохранились лишь скудные остатки. Въ числѣ ихъ наиболѣе замѣчательны куполообразныя зданія, которыя въ древности считались сокровищницами, тогда какъ новѣйшая наука съ основаніемъ усмотрѣла въ нихъ могилы. Прекраснѣйшая и наиболѣе замѣчательная изъ нихъ, это такъ называемая сокровищница Атрея. Ее называютъ также могилою Агамемнона. Это и другія подобныя зданія, находящіяся по близости, а также и другія, въ томъ же родѣ, находимыя во всѣхъ частяхъ Греціи (между прочимъ, такъ называемая сокровищница минійцевъ подлѣ Орхомена въ Віотин), состоятъ изъ сводовъ особой конструкціи, въ которыхъ ведетъ ходъ. Сводъ построенъ такимъ образомъ, что кругообразные слои камней уменьшаются вверху, такъ что не требуется камня, завершающаго сводъ, но постепенно уменьшающіеся круги держатся сами собою. Стѣны были

покрыты металлическими украшениями, отъ которыхъ остались явные слѣды. Такъ называемая сокровищница Атрея имѣетъ внутри въ вышину около 15 метровъ и ровно столько же внутри въ поперечникѣ. Если отъ этого монумента мы обратимся къ укрѣпленію, то прежде всего увидимъ знаменитое зданіе, такъ называемыя Львиныя Ворота, такъ часто изображаемыя на рисункахъ. Отверстіе въ нихъ въ $3\frac{1}{4}$ метра вышины. Ширина внизу 3,13 метр. и вверху 2,90, такъ что кверху отверстіе суживается. Оно покрыто поистинѣ изумительной притолокой, одиночнымъ камнемъ въ 5 метр. длины и 2,5 метр. вышины и посрединѣ въ 1 метръ толщины. Для того, чтобы уменьшить тяжесть этого мощнаго камня, надъ нимъ оставлено кверху сужающееся отверстіе, въ срединѣ однако выполненное каменной плитой въ 3 метра вышины, $3\frac{2}{3}$ ширины и лишь $\frac{2}{3}$ толщины, стало быть не очень тяжелое. Плита эта украшена знаменитымъ изображеніемъ и снабжена колонкой, подлѣ которой, съ каждой стороны, стоитъ по одной приподнятой львицѣ безъ головы. Это положеніе напоминаетъ манеру, въ какой изображались съ древнѣйшихъ временъ на Востоцѣ звѣри по обѣ стороны какого-нибудь болѣе высокаго предмета, напр. дерева, служа здѣсь въ видѣ декораціи. Украшенія эти, вплоть до новѣйшихъ открытій въ Микенахъ и въ Тиринѣ, признавались древнѣйшимъ произведеніемъ греческаго искусства. Но если мы вступимъ во внутреннее пространство крѣпости, то увидимъ передъ собою величественные слѣды дѣятельности Генриха Шлимана. На первый разъ рѣчь идетъ о пространствѣ, отдѣленномъ кольцеобразнымъ помостомъ отъ остальной части акрополя. Этотъ помостъ Шлиманъ признавалъ мѣстомъ для народнаго собранія (агора). Здѣсь онъ началъ свои раскопки, и ему удалось найти 5 могилъ, содержавшихъ тѣла 15-ти лицъ, причемъ была найдена масса золотыхъ и другихъ украшеній. Могилы состояли изъ глубокихъ шахтъ, на днѣ которыхъ находились тѣла, не положенныя, но какъ бы брошенныя. Изъ предметовъ украшенія особенно были замѣчательны золотыя маски, покрывавшія лица четырехъ тѣлъ, находившихся въ четвертой могилѣ. Шлиманъ, какъ извѣстно, предположилъ, что онъ нашелъ (1876 г.) трупъ Агамемнона и, по его восторженному выраженію, ему „удалось сохранить для потомства черты лица древняго царя“. Кто именно на самомъ дѣлѣ былъ похороненъ въ этихъ могилахъ, остается въ сущности неизвѣстнымъ. Шестой подобный же гробъ,

также съ драгоценнымъ содержимымъ, былъ найденъ и откопанъ въ 1877 г. афинскимъ археологическимъ обществомъ. Отгороженное каменными плитами мѣсто, о значеніи котораго такъ много спорили, представляетъ попросту, какъ доказалъ Христіанъ Бельгеръ, остатокъ могильнаго холма, нагроможденнаго, по древнему обычаю, надъ гробами. Это въ особенности доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что между гробами найдены также мѣста, отчасти украшенныя скульптурными изображеніями, очевидно предназначенными къ тому, чтобы стоять на могилахъ и обнаруживать ихъ присутствіе. По мѣрѣ того, какъ Микены все болѣе и болѣе приходили въ упадокъ, этотъ могильный холмъ оставался въ запущеніи и, наконецъ, былъ совершенно забытъ. Въ противномъ случаѣ никакъ не могло бы произойти, что до самаго 1876 года такія сокровища спокойно пролежали въ землѣ. Послѣ Микенъ, слѣдующее мѣсто по значенію представляютъ еще болѣе древнія развалины Тиринеа. Тиринѣзъ всегда былъ знаменитъ своими мощными окружающими его стѣнами, отовсюду видимыми, такъ какъ онъ находится на скалахъ, выдающихся до высоты 18 метровъ надъ равниною Навплии. Стѣна состоитъ изъ едва отесанныхъ мощныхъ глыбъ въ 2—3 метра длины и метръ толщины; все пространство имѣетъ приблизительно 300 м. длины и 100 ширины. Городъ распадается на 2 части: верхнюю, гдѣ находился дворецъ царей, и нижнюю, предназначенную для людей, служившихъ въ крѣпости. Стѣны въ среднемъ имѣютъ толщину 20 м., въ отдѣльныхъ мѣстахъ онѣ даже еще толще, такъ какъ онѣ здѣсь содержатъ внутри пустыя пространства, ходы и кладовыя. Ходы были давно уже извѣстны и возбуждали изумленіе путешественниковъ. Прямывающія къ нимъ кладовыя были, однако, открыты лишь въ 1885 г., когда Шлиманъ и Дербфельдъ произвели здѣсь раскопки. Стрѣлчатая дверь, съ камнями, образующими стрѣлчатые своды, но снабженныя сверху дугами съ завершающимъ камнемъ или такъ называемъ, какъ это было принято въ средніе вѣка, ведутъ въ кладовыя, въ свою очередь покрытыя камнями, заходящими другъ за друга. Древніе были правы со своей точки зрѣнія, когда вообразили, что такіе тяжелые камни могли быть нагромождены лишь сверхчеловѣческими существами, а именно циклопами, пришедшими будто бы изъ Ливіи. Вторая, открытая лишь Шлиманомъ и Дербфельдомъ достопримѣчательность Тиринеа, состоитъ изъ нижнихъ частей стѣнъ весьма

древняго дворца, служившаго жилищемъ тиринескимъ царямъ. Здѣсь открыты даже остатки весьма древней стѣнной живописи. Внутреннее расположеніе дворца весьма легко распознается, и Дербфельдъ съ большимъ остроуміемъ возстановилъ весь планъ. Относительно назначенія отдѣльныхъ комнатъ возможны, впрочемъ, еще различныя сомнѣнія. Досто вѣрно, однако, напр., что дворецъ содержалъ большую залу (Мега-ронъ), гдѣ, судя по описанію Гомера, находился домашній очагъ и куда собирались вокругъ царя и царицы приближенные во время пировъ. Стоитъ вспомнить въ Одиссѣй Алкиноя и Арету. Впрочемъ, еще въ другихъ мѣстахъ на греческой почвѣ найдено много гробницъ изъ первобытныхъ временъ, съ предметами, напоминающими находки въ Микенахъ, такъ что мы на самомъ дѣлѣ имѣемъ право говорить о „микенскомъ искусствѣ“. Не то, чтобы это искусство возникло именно въ Микенахъ, но этотъ знаменитый городъ былъ однимъ изъ главныхъ его мѣстопробываній. Это искусство обнаруживается особеннымъ образомъ въ сосудахъ—такъ называемыя вазы микенскаго стиля—и въ предметахъ украшенія, изъ которыхъ особенно замѣчательны золотыя пластинки съ изображеніями полиповъ *). Сюда же относятся рѣзные камни.

Это была культура моряковъ. Многое изъ найденнаго имѣетъ восточный характеръ; такъ, напр., найденная Шлиманомъ покрышка (ѳолось) въ одной могилѣ совершенно египетскаго характера; но другія вещи, здѣсь найденныя, не находятся въ совершенно такомъ видѣ на Востока. Ясно, что Греція уже тогда имѣла начало особаго искусства. Это доказываютъ, между прочимъ, и львицы, которыя не могли быть привезены въ Микены черезъ море. Замѣчательны два золотыхъ кубка, найденныхъ въ Афію и изображающіе поимку быковъ. Относительно происхожденія этихъ кубковъ—туземнаго или же египетскаго—еще нѣтъ общаго согласія. Въ общемъ ясно, что тогда въ Грецію притекали многія произведенія восточнаго искусства, египетскаго, финикійскаго и малоазійскаго; но греки уже начали создавать свое собственное искусство, которое, конечно, совершенно отличалось отъ позднѣйшаго, такъ сильно намъ импонирующаго, т. е. отъ собственно-греческаго искусства.

Выше мы упоминали объ отношеніи между памятни-

*) У грековъ нодъ словомъ поливъ подразумѣвался не кораллъ, а головоногіи моллюскъ. *Перев.*

ками, открытыми въ Микенахъ, да и въ другихъ мѣстахъ, съ одной стороны, и Гомеровской поэзіей—съ другой. Если бы не было Гомера, то мы не могли бы съ увѣренностью утверждать, что культура въ Микенахъ представляетъ собою древнѣйшую извѣстную ступень греческой образованности. Имѣемъ-ли мы поэтому право дополнить остатки культуры греческаго героическаго періода, находящіяся въ памятникахъ, присоединивъ матеріальные остатки къ духовному наслѣдію, оставленному Гомеромъ? Къ сожалѣнію, нѣтъ возможности разсматривать находки въ Микенахъ и въ Тиринѣ, какъ иллюстрацію жизни героевъ, описанныхъ Гомеромъ. Дѣло въ томъ, что Гомеръ жилъ значительно позднѣе описываемаго имъ времени и долженъ былъ внести въ описаніе старины многое изъ своей собственной эпохи. Итакъ, мы можемъ сказать, что находки въ Микенахъ показали, какъ жилъ *настоящій* Агамемнонъ, но не тотъ, какого намъ описываетъ Гомеръ. Дѣйствительно, пользоваться Гомеромъ мы имѣемъ въ этомъ случаѣ такое же основаніе, какъ, напр., пѣснью Нибелунговъ для изображенія нравовъ, относящихся къ временамъ переселенія народовъ.—Гомеромъ мы должны заняться позднѣе.

Дорійское переселеніе.

Культура, извѣстная намъ съ матеріальной стороны по раскопкамъ въ Микенахъ, Тиринѣ и т. д., пришла въ концу, вслѣдствіе событія, напоминающаго переселеніе народовъ, положившее конецъ Римской имперіи. Исторія называетъ это событіе дорійскимъ переселеніемъ. Относительно частныхъ этого переселенія, преданіе далеко не единодушно; да это и естественно, если мы подумаемъ, что во время этихъ походовъ не было никого, кто захотѣлъ бы или могъ бы ихъ описать. Если тогда и писали въ Греціи, то, конечно, не писали исторіи. Временемъ переселенія, въ общихъ чертахъ, можно считать переходъ отъ второго къ первому тысячелѣтію до Р. Х. Выразаясь коротко, событіе это сводится къ покоренію наибольшей части Пелопоннеса доріями, которые съ тѣхъ поръ стали господами въ покоренныхъ ими областяхъ, а въ прочихъ областяхъ Пелопоннеса пользовались по крайней мѣрѣ преобладающихъ вліяніемъ. Да и послѣ дорійскаго завоеванія встрѣчались, однако, другія черты, придававшія этнографи-

ческому состоянію Греціи совершенно новый характеръ. Общее теченіе событій, по господствующему воззрѣнію древнихъ, было слѣдующее: доряне—маленькое греческое племя, много бродившее, уже въ Фессаліи—въ концѣ концовъ поселились у Пинды къ югу отъ Термопилъ въ мѣстности, съ тѣхъ поръ называвшейся Доридой. Оттуда, оставивъ небольшое число поселенцевъ въ Доридѣ, они двинулись съ цѣлью покоренія Пелопоннеса, который признавали своей собственностью, на томъ основаніи, что будто бы къ нимъ перешли права Геракла (Геркулеса), такъ какъ во главѣ ихъ находились потомки Геракла—Гераклиды. Поводомъ къ этому переселенію, судя по преданію, было движеніе, происшедшее еще далѣе къ сѣверу. Исходя изъ Эпира, фессалійцы двинулись на востокъ и поселились въ странѣ, съ тѣхъ поръ носящей ихъ имя. Они вытѣснили оттуда біотійцевъ, двинувшихся на югъ и занявшихъ страну, получившую съ тѣхъ поръ названіе Біотіи. При этихъ обстоятельствахъ доряне снова двинулись изъ Дориды и заняли Пелопоннесъ. Они, однако, завоевали его далеко не такъ скоро, какъ ожидали. Лишь третьему поколѣнію удалось это. Не сухимъ путемъ черезъ Коринѣскій перешеекъ проникли они на полуостровъ или, по древнему выраженію, на островъ Пелопса; нѣтъ, имъ пришлось переплыть черезъ Коринѣскій заливъ при Навпактѣ (Лепанто), для чего они вступили въ соглашеніе въ этолійцамъ. Взамѣнъ эти послѣдніе получили прибрежную страну Элду, тогда какъ доряне, пройдя Аркадію, основали три крупныхъ и нѣсколько мелкихъ политическихъ тѣлъ въ Пелопоннесѣ. Мессинія, Лаконія и Аргось были три главныхъ, Коринѣъ—важнѣйшее изъ меньшихъ государствъ. Они побѣдили ахейцевъ—название, придаваемое Гомеромъ грекамъ въ поху троянской войны,—въ особенности подданныхъ Агамемнона въ Арголидѣ и Менелая въ Спартѣ; побѣжденные ахейцы тамъ, гдѣ они не подчинились завоевателямъ, выселились нѣсколько далѣе на сѣверъ, гдѣ они сначала еще въ Пелопоннесѣ вытѣснили іонянъ и заняли ихъ страну, получившю съ тѣхъ поръ названіе Ахеи (Ахайи). Изгнанные іоняне нашли убѣжище въ родственной іонійской Атикѣ; но здѣсь-то и явилась развязка. Послѣднія волны взбаламученнаго ионскаго моря хлынули въ Азію: эолійцы изъ Біотіи, ахейцы въ Пелопоннеса, іонійцы изъ Атики и доряне изъ Пелопоннеса, уже не дававшего имъ достаточно простора. Всѣ они оставили Европу и двинулись на